

Курилова Самона Николаевна

**ИНОЯЗЫЧНЫЕ СЛОВОФОРМЫ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ АФФИКСЫ В ЯЗЫКЕ
ТУНДРОВЫХ ЮКАГИРОВ**

Последние исследования в области иноязычных явлений в юкагирском языке показали, что результатом многовековых тесных взаимоотношений юкагиров как древнего автохтонного населения северо-востока Сибири с народами-пришельцами стали лексические переносы, представляющие собой слова из языков-доноров, находящихся на разных этапах заимствования, а также служебные морфемы и синтаксические конструкции. Настоящая статья посвящена анализу иноязычных лексических единиц, выявленных в языковом материале тундровых юкагиров, содержащих словоизменительные и словообразовательные морфемы, не получившие ассимилятивного развития у автохтонных элементов системы языка-реципиента.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/12-1/30.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 1. С. 114-116. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 39(=554)

Последние исследования в области иноязычных явлений в юкагирском языке показали, что результатом многовековых тесных взаимоотношений юкагиров как древнего автохтонного населения северо-востока Сибири с народами-пришельцами стали лексические переносы, представляющие собой слова из языков-доноров, находящиеся на разных этапах заимствования, а также служебные морфемы и синтаксические конструкции. Настоящая статья посвящена анализу иноязычных лексических единиц, выявленных в языковом материале тундровых юкагиров, содержащих словоизменительные и словообразовательные морфемы, не получившие ассимилятивного развития у автохтонных элементов системы языка-реципиента.

Ключевые слова и фразы: юкагирский язык; тунгусские языки; якутский язык; русский язык; перенос; словоформа; аффикс; адаптация.

Курилова Самона Николаевна, к. филол. н.

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск
samonakur@mail.ru*

ИНОЯЗЫЧНЫЕ СЛОВОФОРМЫ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ АФФИКСЫ В ЯЗЫКЕ ТУНДРОВЫХ ЮКАГИРОВ

В языке тундровых юкагиров (далее – ТЮ) одним из отражений миграционных процессов, начавшихся в Сибири примерно с XII столетия и затронувших юкагирские племена как автохтонное население, и в дальнейшем многовековых культурно-языковых контактов с пришлыми народами-мигрантами выступают «неродные» элементы, находящиеся практически на всех уровнях системы юкагирского языка, а также полиглотизм, распространенный среди юкагиров тундры и тайги. Последние исследования на уровне лексики позволили выявить и проанализировать не только подобные элементы из корякского, чукотского, тунгусских, якутского и русского языков в виде переносов, находящихся на различных стадиях заимствования, но и их морфологические особенности.

Согласно имеющемуся материалу, включающему разнообразные по своему содержанию нарративы на ТЮ, можно выделить два ассимилятивных способа употребления иноязычных слов с морфологическими признаками, характерными для языка-источника: в первом случае в виде определенных словоформ и во втором – сочетаний, включающих основу одного языка-источника и морфологический маркер другого языка-источника.

К группе иноязычных словоформ в ТЮ можно отнести тунгусизмы, выражающие категорию множественности. Анализ тунгусского компонента в лексике ТЮ показал, что некоторые лексические единицы из эвенкийского и эвенского языков, тематически ранжированные главным образом как термины оленеводства, родства и свойства, перенесены в язык-реципиент в форме множественного числа, т.е. вместе с аффиксом множественности. С одной стороны, тунгусизмы из оленеводческой терминологии содержат в своей структуре аффикс аддитивной множественности, но в ТЮ употребляются в значении единственного числа. Например:

ТЮ *иитэ(э)нэл* ~ *иитээнил* – *домашний олень-самец трех лет* < эв. мн. *иитэнэл* от эв. *иитэн* – *домашний олень двух-трех лет* [8, с. 166], эв. аллаих. *иитэн домашний олень-самец двух-трех лет* [2, с. 63, 71, 102], эв. берез. *иитэн – домашний олень-самец двух-трех лет* [10, с. 132];

ТЮ *кэтэмэл* – *нетель, неотелившаяся важенка* < от тунг. мн. *кэтэмэл* от эвк. *кэтэм* – *бесплодная важенка* [9, с. 331], эв. *кэтым* – *бесплодная самка* [8, с. 173], эв. аллаих., берез. *кэтэм* – *бесплодная важенка* [2, с. 63; 10, с. 160] и др.

С другой стороны, переносу подверглись словоформы с аффиксом неаддитивной множественности, подразумевающей некую совокупность объектов, объединенных родственными отношениями. В эвенском языке таким аффиксом является *-йа(л)* ~ *-йэ(л)*, обозначающий отдельное множество людей, связанных какими-либо отношениями с тем или иным лицом (напр.: эв. *амийа* – *отец с родственниками*, *акийа* – *страший брат со своими родственниками*) [8, с. 44]. В ТЮ этот аффикс освоен как *-йил(ь)* ~ *-йэ(л)* (напр.: *акайиль* – *братья* [5, с. 32], *экыэй(л)* – *сестры* [19, р. 238]) и может употребляться в терминах родства (*акаа* – *старший брат* и *экыэ* – *старшая сестра*) с показателем взаимности *ньиң-* и принимать вторичную множественность через автохтонные показатели языка-реципиента (напр.: *ньиңакаайиль* – *братья* < ТЮ взаим. *ньиң-* + ТЮ *акаа* – *старший брат* + эв. *-йиль* [5, с. 318]; *ньиңэкыэйэпэ* – *сестры* < ТЮ взаим. *ньиң-* + ТЮ *экыэ* – *старшая сестра* + эв. *-йэ(л)* + ТЮ мн. *-нэ* [19, р. 238]).

К иноязычным словоформам также можно отнести русские имена прилагательные, перенесенные в ТЮ в постреволюционный и современный период в условно застывшей форме единственного числа мужского рода, в сочетании с конкретным определяемым словом, с которым они не согласуются, а также не изменяются по числам и падежам. В плане ассимилятивных процессов фонетико-графической адаптации подверглись главным образом окончания русских адъективных форм: рус. *-ский* > ТЮ *-скай* ~ *-скэй*, рус. *-ный* > ТЮ *-най* ~ *-н(ь)эй*, рус. *-вый* > ТЮ *-вай*. Реже встречается окончание рус. *-ной* > ТЮ *-ной*. Например: ТЮ *актовай* – *актовый (актовай заланьэй – есть актовый зал* [1, с. 18]), *зубной* – *зубной (зубной порошоктэ – зубному порошку* [7, с. 36]), *магнитнэй* – *магнитный (магнитнэй лентаҕа – на магнитной ленте* [6, с. 113]), *последньэй* ~ *посленньэй* – *последний; в последний раз (последньэй зурэсум – в последний раз возил=он (его)* [19, р. 70]), *советскэй* ~ *советскэй* – *советский (Советскэй лукулҕа – на Советской земле* [14, с. 81]) и др.

Помимо иноязычных словоформ, в ТЮ также были перенесены словообразовательные элементы. Во-первых, к таковым относится русский суффикс *-ка*, участвующий в продуцировании имен существительных (напр.: *бусинка, завалинка, лисичка, неженка, сибирячка, снежинка* и т.п.). Так, например, носители ТЮ продуцируют из двух русских элементов одну цельную лексическую единицу по модели языка-источника, хотя в русском языке такого образования не существует: рус. *немой* + рус. *-ка* > ТЮ *ньмууойкэ* [5, с. 317; 20, р. 296].

Во-вторых, к иноязычным словообразовательным элементам относится якутский глаголообразующий аффикс *-лаа*, без участия которого многие русские глаголы не смогли бы стать феноменами юкагирского языка и пройти соответствующие ассимилятивные процессы. Известно, что в якутском языке благодаря словообразовательному аффиксу *-лаа* практически от любого имени и различных слов, будь то исконное или заимствованное, могут быть продуцированы глагольные слова. В зависимости от конечного звука основы аффикс *-лаа* формально варьируется: *-лаа ~ -таа ~ -даа ~ -наа* (напр.: як. *айан* – *дальняя дорога* > *айаннаа* – *путешествовать*, рус. *старт* + як. *-таа* > як. *стартаа* – *стартовать*) [15, с. 98; 18, с. 33, 338]. При этом русизмы сначала подвергаются субстантивации и только затем оформляются словообразовательным аффиксом [11, с. 128; 12, с. 147]. То же самое наблюдается в ТЮ как языке-реципиенте. Отдельную подгруппу составляют опосредованные русизмы с фонетико-морфологической адаптацией, характерной для якутского языка как языка-посредника. Например: ТЮ *куоластаа* = *голосовать* < як. *куоластаа* – *голосовать, подавать голос* [13, с. 1225; 18, с. 189] < рус. *голос*; ТЮ *пуутэйдэ* = *(за)путать* < як. *буутайдаа* – *путать, сбивать с толку; капризничать* [12, с. 147; 18, с. 87] < рус. *путай* 2 ед. повел.; ТЮ *салааскалаа* = *кататься на санках* < як. *салааскалаа* – *кататься на салазках* [18, с. 311] < рус. *салазки* и др.

Вторую подгруппу образуют прямые русизмы как результат речетворческого процесса непосредственно носителей ТЮ, на что указывает, с одной стороны, фонетико-графический облик русизмов (ср. ТЮ *повардаа* = *быть, работать поваром* [7, с. 39], як. *буобардаа* – *подавать еду и напитки* [13, с. 550]), с другой – заимствованная исходная форма русского слова или употребление того или иного словообразовательного аффикса (ср. ТЮ *звоннаа* = *звонить кому-либо по телефону* [1, с. 17], як. *звони гын* – *звонить по телефону* [12, с. 148]).

Источниками для построения глагольных слов в ТЮ являются такие категории, как (1) имена существительные (напр.: ТЮ *ремоннаа* = *ремонттировать* < рус. *ремонт* + як. *-наа* [7, с. 57], ТЮ *утоютаа* = *глядеть утюгом* < рус. *утюг* + як. *-таа* [5, с. 384] и др.); (2) глаголы во 2-м лице единственного числа в повелительном наклонении (напр.: ТЮ *повторяйдаа* = *повторить* < рус. *повторяй* 2 ед. повел. + як. *-даа* [17, с. 29], ТЮ *парасчилаа* = *простить* < рус. *прости* 2 ед. повел. + як. *-лаа* [16, с. 11] и др.); (3) междометие (напр.: ТЮ *пасиивалаа* = *благодарить* < рус. *спасибо* + як. *-лаа* [5, с. 371; 20, р. 416]).

Самостоятельно, т.е. без оформления словообразовательным аффиксом *-лаа*, вышеприведенные и подобные им русизмы в юкагирской речи не встречаются (за исключением ТЮ *краска* – *цвет; краска; краски* < рус. *краски* [5, с. 377], ТЮ *пасиива* – *спасибо, благодарю* < рус. *спасибо* [3, с. 198-200; 4, с. 26; 5, с. 371; 20, р. 416]).

Таким образом, основной вывод, который можно сделать в результате анализа иноязычных слов, содержащих морфологические маркеры языка-источника, заключается в том, что подобные маркеры не находят ассимилятивного перехода в систему языка-реципиента, т.е. нет случаев употребления показателей множественного числа из тунгусских языков, окончаний имени прилагательного из русского языка, глаголообразующего аффикса из якутского языка с автохтонными словами ТЮ. Относительно «творческий» подход со стороны носителей ТЮ предпринят по отношению к якутскому аффиксу *-лаа*, но также с ограничением привлечения в качестве основы словоформ различных морфологических категорий другого языка-источника.

Список сокращений

2 – второе лицо, *аллах.* – аллаховский говор эвенского языка, *берез.* – березовский говор эвенского языка, *ед.* – единственное число, *мн.* – множественное число, *повел.* – повелительное наклонение, *рус.* – русский язык, *тунг.* – тунгусские языки, *ТЮ* – язык тундровых юкагириков, *эв.* – эвенский язык, *эвк.* – эвенкийский язык, *як.* – якутский язык

Список источников

1. Атласов Е. И., Курилов Г. Н. Русско-юкагирский разговорник. Якутск: Розовая чайка, 1992. 32 с.
2. Дуткин Х. И. Аллаховский говор эвенов Якутии: монография. СПб.: Наука, 1995. 144 с.
3. Курилова С. Н. Междометия и междометные слова юкагирского языка: монография. Новосибирск: Наука, 2012. 235 с.
4. Курилов Г. Н. Современный юкагирский язык: учебное пособие. Якутск: Офсет, 2006. 280 с.
5. Курилов Г. Н. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2001. 608 с.
6. Курилов Н. Н. Тидаанэ титэ моннуңи (Раньше так говорили): пословицы, загадки, образные выражения, сравнения. Якутск: Дани Алмас, 2007. 152 с.
7. Курилов Н. Н. Чуңнул кинигэ. 3 классинь: книга для чтения на юкагирском языке. Якутск: Розовая чайка, 1994. 60 с.
8. Лебедев В. Д. Язык эвенов Якутии: монография. Л.: Наука, 1978. 207 с.
9. Мыреева А. Н. Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2004. 798 с.
10. Роббек В. А., Роббек М. Е. Эвенско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2005. 256 с.
11. Слепцов П. А. Русские лексические заимствования в якутском языке: дореволюционный период: монография. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1964. 196 с.
12. Слепцов П. А. Русские лексические заимствования в якутском языке: послереволюционный период: монография. М.: Наука, 1975. 256 с.
13. Словарь якутского языка [Электронный ресурс]: в 3-х т. / сост. Э. К. Пекарский. Л.: Академия наук СССР, 1958. Т. 1. URL: <http://sakhatyla.ru/books/pekarSKIY-1/2> (дата обращения: 09.05.2015).
14. Улуру Адо. Лабунмэдьэну өндэрил (Благословение реки Лабунмэдьэну): стихи, поэмы. Якутск: Бичик, 2009. 144 с.

15. Харитонов Л. Н. Самоучитель якутского языка: пособие для самообучения. Якутск: Книжное изд-во, 1987. 232 с.
16. Юкагирско-русский разговорник / сост. Г. Н. Курилов. Якутск: ИИМНС СО РАН, 1994. 27 с.
17. Юкагирско-русский разговорник / сост. П. Е. Прокопьева. Якутск: Бичик, 2011. 152 с.
18. Якутско-русский словарь / под ред. П. А. Слепцова. М.: Советская энциклопедия, 1972. 608 с.
19. Kurilov N. Tales from My Mother Anna Kurilova. Эһиэ, Анна Курилова ньиэдьиллэ. Рассказы матери Анны Куриловой / ed. by C. Ode. Amsterdam: Uitgeverij Pegasus, 2012. 270 p.
20. Nikolaeva I. A. A Historical Dictionary of Yukaghir. Berlin – N. Y.: Mouton de Gruyter, 2006. 500 p.

THE FOREIGN-LANGUAGE WORD-FORMS AND WORD-FORMATIVE AFFIXES IN THE LANGUAGE OF THE TUNDRA YUKAGHIRS

Kurilova Samona Nikolaevna, Ph. D. in Philology
*The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk
samonakur@mail.ru*

The recent researches in the field of the foreign-language phenomena in the Yukaghir language show that the result of the centuries-old close relationship of the Yukaghirs as an ancient autochthonous population of the northeast Siberia with alien peoples was lexical shifts, which were words from source languages being at different stages of borrowing, as well as function morphemes and syntactic constructions. The present article is devoted to the analysis of foreign-language lexical units, revealed in the linguistic material of the Tundra Yukaghirs, containing the inflectional and word-formative morphemes that have not received the assimilative development in the autochthonous elements of the recipient language system.

Key words and phrases: Yukaghir language; Tungusic languages; Yakut language; Russian language; shift; word-form; affix; adaptation.

УДК 81'1.512.145

В статье рассматривается проблема выделения пяти тюркских языков Крымского полуострова как самостоятельных единиц либо их описания в качестве составных частей единого языка. Автор анализирует критерии выделения и их применения к исследуемым языкам. Особое внимание уделяется исследованию исторической, этнолингвистической и социоллингвистической составляющим проблемы. В качестве критериев выделения рассматриваются фонетические, морфологические особенности данных языков, наличие различных типов субстратной и заимствованной лексики.

Ключевые слова и фразы: языки Крыма; автохтонные языки; классификация языков; критерии выделения языков; тюркские языки; субстратная лексика; заимствованная лексика.

Мазинов Ахтем Сеит-Аметович, к. филол. н.
*Крымский инженерно-педагогический университет, г. Симферополь
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь
ahtemmazinov@mail.ru; ahtemmazinov@hotmail.com*

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ АВТОХТОННЫХ ЯЗЫКОВ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА

В последнее время всё чаще встаёт вопрос о выделении и рассмотрении как отдельной единицы того или иного автохтонного языка Крыма, количестве и происхождении данных языков, о критериях их выделения и способах классификации. Суть вопроса: являются ли пять тюркских языков (крымскотатарский, крымчакский, караимский, урумский и армяно-кыпчакский), в разное время использовавшиеся в регионе, отдельными самостоятельными единицами, или они представляют ветви единого крымского языка, или же это диалекты/этнолекты крымскотатарского языка? Для ответа на этот вопрос следует, прежде всего, оговорить критерии выделения отдельного языка и применимость данных критериев к конкретной многокомпонентной ситуации формирования языков Крымского полуострова.

Обычно основным критерием выделения самостоятельных языков является степень сходства или различия их фонетических, морфологических, лексико-семантических, синтаксических характеристик. Оценка по этому критерию пяти автохтонных тюркских языков Крыма, сравнение и этимологический анализ их лексемного состава вполне возможны, однако протяженность и сложность формирования указанных языков приводит к необходимости дополнительно учитывать ряд исторических, этнолингвистических особенностей. Кроме того, в случае использования критерия совпадения/различия вышеперечисленных характеристик языков возникает возможность обратного рассмотрения ситуации: три диалекта крымскотатарского языка имеют выраженные фонетические, морфологические и лексико-семантические особенности, что, по сути, при этом способе выделения позволяет трактовать их как самостоятельные единицы.